
А. С. ГРИБОЕДОВ И АРМЕНИЯ

АВИК ИСААКЯН

Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829), первый из великих русских писателей, который в силу своей дипломатической службы и по воле исторических событий посетил Армению, соприкоснулся с ее древней историей и культурой, вблизи узнал живую жизнь народа. Еще до поездок на Восток он читал "Историю Армении" Моисея Хоренского¹ и, наряду с персидским, изучал также армянский и грузинский языки.

По назначению секретарем русской дипломатической миссии в Персии он по пути из Тифлиса в Тавриз в феврале 1819 г. впервые приезжает в Эривань. В дальнейшем, в 1826–1828 гг., он неоднократно бывает в Армении по пути следования из Тифлиса в Тавриз, а также во время военного похода на взятие Эриванской крепости.

Значительное место в "Путевых заметках", письмах и служебных записках Грибоедова отведено размышлениям об Армении, о ее политической действительности, а также описанию природы, жизни народа, архитектуре и т. д. Он интересовался не только историей этого края, но и жизнью самого народа. Рассказывая о своих первых впечатлениях об Армении, в одном из своих неотправленных писем С. Н. Бегичеву, которые впоследствии стали основой его путевых заметок от Тифлиса до Тегерана (Эривань, 4 февраля 1819) Грибоедов говорит об охвативших его чувствах: "Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих: *Du centre des déserts de l'antique Arménie...*"²

Но более всего его поражает образ библейской горы Арарат. В этом же письме поэт продолжает: "Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы — первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью; обе вместе завладели большею частью горизонта, — это двуххолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи

¹ По утверждению Ю. А. Веселовского, это была книга: "Армянская история, сочиненная Моисеем Хоренским, с кратким географическим описанием древней Армении". Перевел с армянского на русский язык архидиакон Иосиф Иоаннесов. СПб., 1809.

² Строка из неизвестного французского стихотворения, в переводе: "Из средины пустынь древней Армении" (А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., 1959, с. 403).

его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен..."³

Тогда, в феврале 1819 г., "секретарь бродящей миссии" остановился в Эривани на четыре дня и встретился с персидским сардаром (наместником шаха) — Гусейн-ханом. В тот период Эриванское ханство считалось феодальным уделом, но находилось в вассальной зависимости от Персии. До встречи с сардаром Грибоедов уже имел определенное представление о ситуации, царящей в Армении, о тяжелой участи армянского населения под персидским гнетом, об отношении армян к ставленнику шаха. После первой же встречи с сардаром Грибоедов в своих путевых записках размышляет: "...высокостепенный был кругом не прав, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И все это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая. — Рабы, мой любезный!... И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь непрерывно восходит до бека, хана, беглербека и каймакама, и таким образом выше и выше"⁴.

От личных встреч с жителями города, от всего увиденного, почувствованного Грибоедову стало ясно, что армянское население далее не желает жить под игом персидского владычества. Так что уже перед отъездом в Персию у него сформировалась четкая позиция в отношении природы власти персиян и в отношении ряда важных политических проблем. Он понимал, что христианское население Армении гораздо больше тяготело к России, нежели к отсталой восточной стране — живущей по чуждым для армян законам шариата.

Но особенно тесно судьба связала Грибоедова с Арменией в период русско-персидской войны 1826 — 1828 гг., когда он был назначен главой дипломатической канцелярии отдельного кавказского корпуса, генерала от инфантерии, генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича. Именно в этот переломный для судьбы Армении период, когда русская армия наносила сокрушительные удары по шахскому режиму, были взяты города Нахичевань и Эривань. И благодаря освобождению Восточной Армении от персидского владычества стало возможным ее присоединение к Российской империи.

Неоценима роль Грибоедова как государственного деятеля в осуществлении этой важной исторической задачи. Именно он участвовал в разработке в тот период стратегии внешней политики России на самом трудном и ответственном участке — на русско-персидском фронте, а также в отношении южных союзников России — Грузии и Армении. Чтобы еще теснее сплотить христианские народы Закавказья с Россией

³ Там же, с. 403 — 404.

⁴ Там же, с. 410.

в борьбе против персидского владычества, главнокомандующий на Кавказе, генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, по рекомендации Грибоедова, одобрил формирование боевых отрядов грузинского и армянского народного ополчения. Хорошо зная гордый нрав этих народов, Грибоедов прекрасно сознавал, что, получив официальный статус, армянские и грузинские ополченские отряды в ходе войны сыграют очень важную роль. Фактически и до создания этих отрядов многие армяне и грузины на добровольных началах принимали участие в военных действиях на российской стороне. Легендарный герой Агаси из Канакера героически погиб при взятии Эриванской крепости. Впоследствии он послужил прототипом героя романа современника Грибоедова — Хачатура Абовяна "Раны Армении". В военных сводках, в исторических документах сохранилось множество свидетельств о героических сражениях, которые вели на линии фронта ополченские формирования.

Грибоедов, как доблестный офицер, принимал также личное участие во взятии Нахичевани и в других военных походах, в осаде и штурме Эриванской крепости. За что был награжден учрежденной Николаем I медалью — "За взятие Эривани". Важный факт — что он был награжден боевой медалью до заключения Туркманчайского мира, именно за участие в Эриванском походе. И об этом, в частности, свидетельствуют слова генерала А. П. Ермолова: "Видел награду Грибоедова до заключения мира, следовательно, за дела военные"⁵. Интересно само описание этой медали. Вот что пишет русский историк В. А. Потто: "Медаль на взятие Эривани представляет русского воина, напоминающего видом своим императора Николая; у ног его, головой к зрителю, обнаженное тело врага, брошенное на развалины; кругом стены крепости, по местам разбитые и превращенные в груды камней; справа от витязя на стене, водружены знамена, а слева, восходящее из-за развалин солнце, — эмблема новой эпохи свободы и просвещения, наставшей для Армении"⁶.

Известный исследователь деятельности Грибоедова в период русско-персидской войны — И. К. Ениколопов в своей книге "Грибоедов и Восток" пишет: "Просмотр "дел" дипломатической канцелярии главноначальствующего на Кавказе убеждает в том, что большинство донесений, реляций и другого рода служебной переписки составлялось в черновиках Грибоедовым"⁷. Известно также, что невзирая на реальные угрозы, Грибоедов в ходе войны не раз лично принимал участие в переговорах в тылу противника.

Историки свидетельствуют, что приказ, зачитанный в день взятия Эриванской крепости перед войсками, был составлен лично Грибоедовым. Там есть поистине прорицательные, не терявшие актуальности

⁵ И. К. Е н и к о л о п о в. Грибоедов и Восток. Ереван, 1974, с. 90.

⁶ В. А. П о т т о. Кавказская война. (Персидская война. 1826—1828). Т. 3, СПб., 1888, с. 599.

⁷ И. К. Е н и к о л о п о в. Указ. раб., с. 90.

строки: "Россия будет вам признательна, что поддержали ее величие и могущество".

В армянской истории и в художественной литературе, в частности, в классическом романе Х. Абовяна — "Раны Армении"⁸ — есть страницы, подробно описывающие штурм и взятие Эриванской крепости, доблести, совершенные бок о бок русскими и армянскими воинами. Абовян вдохновенно писал о том, с какой радостью жители Эривани встречали своих освободителей — русских воинов: "Солдаты стали входить в крепость, а в тысяче мест, в тысяче окон люди не в силах были рот открыть, — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные на небо глаза говорят и без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян. Как друг, как небесный ангел — благовестник, с венцом свободы и милосердия, вступил князь Паскевич в сардарский дворец"⁹.

Приходил конец вековому порабощению. Час был поистине исторический, как подметил Абовян: "...пока у армянина есть дыхание и язык, как может он забыть тот многорадостный час, когда Князь Варшавский (И. Ф. Паскевич. — *А. И.*) и генерал Красовский, вместе с бессмертным нашим Нерсесом (Нерсес Аптаракечи. — *А. И.*), с крестом и Евангелием в руках вошли в крепость, чтобы отпраздновать день освобождения армянской страны"¹⁰.

В эпопее Абовяна есть пророческие слова, подтвердившиеся всем дальнейшим ходом истории Армении: "Да будет благословлен тот час, когда благословенная стопа русского вступила на нашу светлую землю". В знак победы и в память павших в боях армянских ополченцев и русских воинов, недалеко от села Ошакан, местное население воздвигло гранитный обелиск. И до сих пор гордо стоит этот обелиск, как свидетельство ратных подвигов.

Армяне боролись самоотверженно, они сознавали, что в составе единой державы, под защитой российского флага, настанет новый день их многовековой истории. Пока освобождалась лишь часть Армении, Западная оставалась под игмом оттоманской Турции. Но армя-

⁸ Крупнейший армянский писатель, просветитель-демократ, основоположник современного армянского языка Хачатур Абовян (1809—1848) встречался с Грибоедовым в 1828 г., во время переговоров последнего с армянским патриархом в Эчмиадзине. Роман Абовяна "Раны Армении. Скорбь патриота" изображает исторические события первой половины XIX в., периода русско-персидской войны, когда Восточная Армения была присоединена к России. Абовян — убежденный поборник российско-армянского политического союза. Роман Абовяна был создан в 1840 г. Книга — подлинная школа патриотизма, произведение, утверждающее национальное достоинство армян и благославляющее союз армяно-русских народов. Перевод романа выполнен С. В. Шервинским в 1940 г.

⁹ Х а ч а т у р А б о в я н. Раны Армении. М., 1978, с. 258.

¹⁰ Там же.

не сознавали, что свобода Восточной Армении, ее укрепление даст возможность начать борьбу за освобождение и западных земель исторической Армении. И что в предстоящей войне они также должны быть рядом с русским воином. А пока следовало укрепить позиции, обеспечить полную победу. После взятия Эривани и Нахичевани, особенно важным было укрепление позиций и в Карабахе. В этой области в годы персидского владычества армянское коренное население систематически подвергалось ожесточенной депортации. Во время русско-персидской войны особым героизмом отличалось население крупнейшего города Карабаха – Шуши, которое выдержало жесточайшую осаду, вызывая на себя огонь более пятитысячной персидской армии, отлучив ее от активных боевых действий.

В документальном историческом издании "Утверждение русского владычества на Кавказе" об обороне Шуши написано следующее: "Дух гарнизона был превосходный, но шесть слабых рот, очевидно, были недостаточны для обороны такой обширной крепости. К счастью, на помощь нам явились армяне из числа шушинских жителей, и 1500 человек их, вооруженных солдатскими ружьями, стали на стены, значительно усилив собою оборону. Начальником над ними Реут назначил старосту Агабек Калантарова... Остальные армяне помогали нам чем могли. Некто Барутча Погос, зная, что в крепости нет пороха, вызвался безвозмездно готовить его в количестве от 20 до 30 фунтов в день; другие готовили картечь или переливали старые ядра; сельчане отдали весь скот, от пяти до шести сот голов, на общее пропитание... По ночам армяне, нередко под огнем персидской батареи, перемалывали наше зерно. Аббас-Мирза неоднократно пытался взять ненавистное ущелье, но все его усилия разбивались о стойкость армян, которые под предводительством своих старшин Сафара и Ростома Тархановых, не только отражали врагов, но время от времени и сами тревожили персиян своими набегами. Даже женщины этой деревни являлись героинями, и одну из них, по имени Хатан, знал в то время весь Карабаг"¹¹.

В приказе по случаю завершения военной кампании 1827 г. командующий фронтом генерал-адъютант Сипягин, отмечая участие армянских ополченских дружин, подчеркивал, что они "во многих случаях оказывали готовность жертвовать собой для службы ... и приобрели по сему несомненное право на благодарность соотечественников и правительства"¹².

* * *

После освобождения Эриванской крепости во дворце сардара силами офицеров любительского театра, созданного при 7-м карабинер-

¹¹ Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 4, ч. 1, с. 97–99.

¹² Центральный государственный архив Грузии (далее – ЦГАГ), ф. 16, д. 3762.

ском полку, впервые была поставлена комедия Грибоедова "Горе от ума", и сам Грибоедов присутствовал на этом спектакле.

За взятием Нахичевани и Эривани последовало взятие Тавриза, самого крупного города на севере Ирана. Путь на Тегеран был открыт. Чтобы избежать полного поражения и сохранить свой престол, персидский шах был вынужден 10 февраля 1828 г. заключить Туркманчайский мирный договор и принять все условия, поставленные русской стороной. Туркманчайский мирный договор явился крупной победой российской политики на Востоке. А России мирный договор был необходим для концентрации сил против еще более опасного и вероломного противника империи оттоманской Турции. Победа над Персией и заключение мирного договора позволили Николаю I направить освободившиеся с тавризского направления войска и на юг Армении. А весной 1828 г. русские войска вступили в Турцию. Начинался новый, важный этап утверждения российского присутствия на Ближнем Востоке. И в свою очередь это создавало предпосылки для освобождения угнетенных Турцией христианских народов.

Грибоедов играл важную роль в разработке стратегических планов российской империи на Востоке. После Туркманчая он был назначен министром-посланником России в Персию. Грибоедов становится одной из ключевых фигур русской политики на Востоке. Авторитет его был очень высок и в ставке генерала Паскевича, и в кабинете Нессельроде. Не случайно, что именно Грибоедову была доверена честь предоставления документов Туркманчайского трактата императору Николаю I.

Летописец Кавказской войны, известный историк В. А. Потто пишет следующее о деятельности Грибоедова в период русско-персидской войны 1826—1828 гг.: "Близкое знакомство Грибоедова с жизнью и людьми Персии давало Паскевичу прямой повод поручать ему сношения с персидским правительством. Так, Грибоедов ездил в Чорс для переговоров с Аббас-Мирзою, после Джеванбулакского сражения; так, принял он деятельное участие и при составлении условий мирного трактата в Дей-Карагане и Туркменчае. С вестью о заключении мира и для поздравления государя со славным окончанием войны, Паскевич отправил в Петербург Грибоедова"¹³.

Громадный авторитет и ум Грибоедова признавали не только союзники России — Грузия и Армения, но и противники: Персия, Турция, и несомненно — Англия, которая очень ревностно относилась к возрастающему влиянию России на Ближнем Востоке, традиционно считавшийся сферой жизненных интересов Британского королевства. Здесь Англия не собиралась кому-либо уступать первенство ... Однако сила российской армии, ее победное шествие, и наконец, реальный успех — Туркманчайский договор заставили Англию считаться с Россией,

¹³ В. А. П о т т о. Указ. раб., с. 609.

но в то же время искать новые, подчас и самые нечистые пути для сохранения своих позиций.

Российские интересы на Востоке представлял в первую очередь Грибоедов. Следовательно, заговор панисламистов и их покровителей должен был быть направлен против чрезвычайного посланника. И с новым назначением над жизнью Грибоедова нависла реальная угроза. Возможно, поэтическая интуиция подсказывала ему, что дипломатическая служба в Персии может стоить ему жизни, но интересы государства и честь мундира были для него превыше всего. Грибоедов с женой, дочерью князя Александра Чавчавадзе, во главе русской миссии отбывает из Тифлиса в Тавриз, по пути останавливается в Эривани, где жители встречают его как национального героя, с музыкой и цветами. Затем он едет в Эчмиадзин, на очень важную встречу с Католикосом всех армян Нерсесом Аштаракеци¹⁴ – известным поборником русско-армянских союзнических отношений. Годы назад – зимой 1820 г. Грибоедов в своих путевых заметках записал понравившиеся ему слова армянского патриарха: "Эчмиадзин как роза между терниями"¹⁵. Католикос имел в виду тогда магометанское окружение Эчмиадзина. Теперь же дорога в Храм была очищена...

В письме к писательнице Варваре Семеновне Миклашевич от 17 сентября 1828 г. "под сводами этой древней обители" Грибоедов писал: "Нынче нас принял весь клир монастырский в Эчмиадзине, с крестами, иконами, хоругвями, пением, курением etc"¹⁶.

В Эчмиадзине Грибоедов с особым интересом изучает коллекцию древних армянских манускриптов и книг. Знакомится с древнейшим христианским памятником на Кавказе – Эчмиадзинским кафедральным собором, присутствует на службе, которую проводит Нерсес Аштаракеци. Но основной целью поездки в Эчмиадзин были переговоры с главой церкви, Нерсесом о переселении армян из Персии в Восточную часть Армении, находящуюся под эгидой России.

Население армянских исторических регионов, завоеванных в свое время персами, мечтало переселиться в пределы Восточной Армении, где их жизнь была бы в безопасности. Это отвечало интересам России, так как тем самым укреплялись южные границы империи и отпадала необходимость, согласно ранее выдвигавшемуся проекту, в поселении 30-и тысяч казаков вдоль границы с Персией. Кроме всего, новые переселенцы – армяне, в основном ремесленники и землепашцы, значительно укрепили бы экономическое положение Восточной Армении.

На переговорах в Эчмиадзине Грибоедов заручился полной поддержкой Нерсеса Аштаракеци, пользовавшегося огромным авторитетом

¹⁴ Нерсес Аштаракеци (1771 – 1857) – армянский католикос (с 1843 г.), убежденный сторонник освобождения Западной Армении от турецкого ига с помощью России. Вел переговоры с Грибоедовым в 1828 г. Сыграл большую роль в процессе присоединения Восточной Армении к России.

¹⁵ А. С. Г р и б о е д о в. Сочинения, с. 426.

¹⁶ Там же.

в армянских кругах. Советником-переводчиком на этих переговорах был Хачатур Абовян. Об этом мы читаем у исследователя жизни Х. Абовяна — литературоведа Г. Абова: "В этот именно период Эчмиадзин был занят русскими войсками и превращен в один из центров военных действий против Персии. Х. Абовян, как секретарь католикоса и его переводчик, несомненно встречался с представителями русской власти, одним из которых был Грибоедов"¹⁷.

Спустя несколько лет 30 июля 1832 г. об этой встрече в своем дерптском дневнике напишет сам Абовян: в беседе с сыновьями Карамзина, студентами Дерптского университета, он вспоминал свою встречу с Грибоедовым и беседы о русско-персидских отношениях.

Еще со времен Петра Первого и Екатерины Великой представители Армении постоянно обращались к России за поддержкой и помощью в борьбе за свою независимость от шахской Персии и оттоманской Турции. Наиболее благоприятным историческим моментом для соединения Восточной Армении с Россией явилось победное окончание русско-персидской войны и заключение Туркманчайского мира. "По Туркманчайскому трактату, — пишет В. А. Потто, — Персия уступала России Эриванское и Нахичеванское ханства, при чем обязывалось не препятствовать переселению в русские пределы армян, предоставить России исключительное право плавания по Каспийскому морю и заплатить 10 куруров, или 20 миллионов рублей серебром, контрибуции"¹⁸.

План переселения армян Грибоедов стал разрабатывать в 1827 г., в бытность его работы в дипломатической канцелярии генерала Паскевича. В дальнейшем, заручившись поддержкой армян, он этот вопрос поднял на конференции в Дейкаргане, но окончательно этот пункт был сформулирован в статьях 14, 15 и 16 Туркманчайского мирного договора. Историки утверждают¹⁹, что основным автором этих статей был Грибоедов, и принятие этих статей договора послужило юридической основой для переселения более 60 тысяч армян. Недаром духовный глава армян Нерсес Аштаракец сказал, что "Грибоедов был защитником армянского народа"²⁰. В Армении народ повсюду встречал его как своего добродетеля, как человека, чьими усилиями стало возможно спасение жизней тысяч и тысяч армян.

Для ведения переговоров о переселении из Петербурга был приглашен крупный авторитет в армянско-российских политических кругах, представитель знатного рода Лазаревых полковник российской армии

¹⁷ Գ. Ա. Աբովյանի Խաչատուր Աբովյանի երկեր, 1948, էջ 27–28:

¹⁸ В. А. Потто. Указ. раб., с. 581.

¹⁹ Исследователь дипломатической деятельности Грибоедова С. В. Шостакович по заметкам ген. Паскевича на полях Памятной записки Грибоедова, написанной в Дейкаргане, считает, что автором 14-й статьи Туркманчайского договора является Грибоедов.

²⁰ Վ. Ա. Պաշտապետյանի Ա. Ս. Գրիբոյեդովը և Հայ-պարսկական Հարաբերությունները. Երևան, 1947, էջ 114:

Л. Е. Лазарев²¹. Он, как посредник, сыграл положительную роль на переговорах между армянами и представителями русской армии. Вскоре Л. Е. Лазарев был назначен комендантом главной квартиры в Дейкаргане, где в основном и происходили мирные переговоры. Кроме Е. Л. Лазарева, большую роль в этом процессе сыграл князь М. З. Аргутинский-Долгоруков²². В "Записке о переселении армян" Грибоедов высказался об Аргутинском так: "Подполк. кн. Аргутинский не отчаявается однако же в возможности привести сию меру в исполнение. Чиновник этот заслуживает по своей распорядительности и честности полное доверие начальства"²³.

После того, как Е. Л. Лазарев в июне 1828 г. был направлен на действующий фронт и лично принял участие во взятии крепости Карс, вместо него работы комиссии по переселению армян возглавил князь Аргутинский.

О его деятельности Грибоедов сообщал графу И. Ф. Паскевичу 1 октября 1828 г.: "В бытность мою в Эривани, кн. Аргутинский всеми силами противился новому переселению некоторых семейств из Нахичеванской области в Даралагез. Я и тогда видел, что он слишком горячо вступает за интересы вверенных ему выходцев, и это ему честь делает; также и здешний штабс-капитан Неверовский, от него зависящий. Всякий честный чиновник должен грудью стоять за вверенную ему порученность..."²⁴

В этом процессе активную роль сыграл также начальник Эриванской области, генерал-майор кн. Александр Чавчавадзе. И как пишет Грибоедов: "Деятельными орудиями при переселении были: кн. Аргутинский, Гамазов, а другие подчиненные офицеры действовали уже под их влиянием"²⁵.

В хранящемся в Центральном госархиве Грузии фундаментальном документе "О переселении из Персии в Карабах и прочие провинции армян заграничных выходцев"²⁶ есть четкое предписание генерала Паскевича, направленное Эриванскому временному правлению, о том, что

²¹ Лазарев Лазарь Екимович (1797–1871), сын основателя Московского института восточных языков – Екима Лазарева, известного мецената, строителя двух армянских церквей в Москве. Полковник Лазарев Л. Е. выделялся особым героизмом в период русско-персидской войны. Вел активную деятельность в процессе переселения армян из Персии в Восточную Армению. Его старший брат – Артемий Екимович Лазарев, служил в лейб-гвардии гусарского полка, проявил героизм в сражениях Отечественной войны 1812 г. Погиб в "Битве народов" под Лейпцигом.

²² Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарович (1797–1855) – князь, участник русско-персидской войны. Выходец из знатного армянского княжеского рода. Принял активное участие в процессе переселения армян из Персии.

²³ А. С. Г р и б о е д о в. Полн. собр. соч. Под ред. И. А. Шляпкина. Т. 1, СПб., 1889, с. 133.

²⁴ Там же, с. 285.

²⁵ Там же, с. 131.

²⁶ ЦГАГ, ф. 1105, д. 55.

следует армян переселенцев поселить "преимущественно в областях Эриванской и Нахичеванской, а частью в Карабахе"²⁷.

Особо следует подчеркнуть, что весь процесс переселения явился свободным волеизъявлением армянского населения, ибо армяне бесконечно доверяли Российскому государству. Именно это обстоятельство, подчеркивает Грибоедов: "Армяне ... будучи единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под ея законами. Трактат давал им на сие полное право"²⁸. И. К. Ениколопов в своем исследовании "Грибоедов и Восток" приводит следующее высказывание одного из руководителей ставки Паскевича, генерала Панкратьева: "Будучи свидетелем переселения армян, я удостоверился, что они собственным движением и руководимые здравым смыслом оставляли родину свою, чтоб найти лучшее существование"²⁹.

1828 – 1829 гг. ознаменовались массовым переездом армянских семей из Персии в Эриванскую, Нахичеванскую, Карабахскую области, в Ширакскую низменность, в бассейн озера Севан. Со временем число переселенцев перевалило первоначально обозначенное – 8 тысяч семейств, и стало значительно больше. (Здесь автор должен заметить, что один из караванов армян-переселенцев из Старого Баязета в сторону Гюмри, возглавил Никогайос Исаакян, дед будущего народного поэта Армении, академика Аветика Исаакяна (1875 – 1957), семья Исаакянов с 1828 г. обосновалась в Гюмри, и там же в 1875 г. родился поэт).

Армения населялась и укреплялась многими тысячами своих соотечественников, предпочитающих жить под флагом российского государства. Переселение, конечно, рождало много сложных проблем, как скажем, вопрос о временно оставленном в Персии имуществе армянских семей, обустройство их на новом месте и т. д. И можно только поражаться, с какой настойчивостью Грибоедов следил за выполнением обязательств, взятых персидской стороной в отношении переселенцев. Он все вопросы держал под своим личным контролем, делал все от себя зависящее, чтобы облегчить нелегкую долю переселенцев. Вот что пишет Грибоедов 3 декабря 1828 г. из Тавриза в Петербург В. С. Миклашевич: "К нам перешло до 8 тысяч армянских семейств, и я теперь, за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы все кое-как делается по моему слову"³⁰.

В другом письме, отправленном графу И. Ф. Паскевичу 23 августа 1828 г. из Тифлиса, Грибоедов пишет: "Я слышал, что перешедшие к нам армянские семейства будущей зимою будут лишены средств к пропитанию"³¹.

²⁷ Там же.

²⁸ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 131. – "Записка и переселение армян из Персии в наши области".

²⁹ И. К. Ениколопов. Указ. раб., с. 119–120.

³⁰ А. С. Грибоедов. Сочинения. М. – Л., 1959, с. 631.

³¹ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 274.

И вскоре Грибоедов добивается согласия графа Паскевича на выделение переселенцам хлеба на общую сумму 30000 туманов, в счет персидских контрибуций. Туркманчайский трактат обязывал Персию платить России четыре курура за расходы, связанные с переселением армян. Конечно, не всегда персидская сторона выполняла свои обязательства, и Грибоедову часто приходилось своим авторитетным вмешательством решать тот или иной вопрос. Так, рапортируя Паскевичу о проделанной работе, Грибоедов 25 октября 1828 г. пишет, что им "послан рагам (распоряжение. — *А. И.*) к Багир-хану Челобиянскому, чтобы он не чинил ни малейшего препятствия желающим переселиться к нам в Карабах карадагским армянам"³².

Поскольку многие армяне из Персии были выходцами из Карабаха и выразили желание вернуться именно на землю своих отцов. Тогда как магометанское население Нахичевани и Карабаха³³ имело желание переселиться в Персию и в Турцию — в близкие им по вере страны. Об этом, в частности, сообщает Грибоедов К. В. Нессельроде в своем письме из Эривани, 23 сентября 1828 г. В Эривань без согласия российской стороны был послан специальный посланник персидского принца Аббас-Мирзы — Мирза Джафар, который начал агитационную работу среди мусульманских жителей Армении. Когда об этом стало известно в ставке Паскевича, во избежание волнений в магометанских кругах, было принято решение выдворить персидского посланника из пределов Армении. Таким образом для разработки русской политики на Востоке Грибоедову и Паскевичу стало абсолютно ясно, что в лице Армении они имеют надежного союзника. Иметь такого союзника на стыке с Востоком, когда шла война, было очень важно. Это давало возможность строить пограничные заставы, военно-стратегические форпосты в городе Александрополе (Гюмри), в других местах, и тем самым обеспечить надежный тыл. В свою очередь, армянские политические деятели и религиозные лидеры, благодаря подписанию Туркманчая, благодаря деятельности Грибоедова стали еще с большим доверием относиться к России, видеть в лице России надежного друга.

* * *

В свете вышеизложенного, нам кажется странной, подчеркнуто тенденциозной позиция автора публикации "Неизвестное письмо Грибоедова" Н. Е. Мясоедовой в сборнике "Проблемы творчества А. С. Грибоедова"³⁴, где впервые печатается письмо — рапорт Грибоедова К. В.

³² ЦГАГ, ф. 2, д. 1920, л. 15.

³³ В конце XVIII — начале XIX в., вследствие персидских и турецких нашествий, в Армении и в Грузии стало проживать большое количество магометан.

³⁴ Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994.

Нессельроде³⁵. Автор публикации во вступительной статье пытается "по-новому" осмыслить отношение Грибоедова к вопросу о переселении армян. Хотя, как нам представляется, изложенные в письме исторические факты и события абсолютно не дают основания для подобной интерпретации текста Грибоедова.

И чтобы придать дополнительную "весомость" своим доводам, Н. Мясоедова в своем предисловии приводит обширные цитаты из письма полковника Л. Е. Лазарева к своему брату Хр. Е. Лазареву, не имеющего прямого отношения к проблеме переселения. Письмо это скорее личного характера и бесконечные ссылки на него преследуют единственную цель — очернить имя и полковника Л. Е. Лазарева, и всего рода Лазаревых, более полутора веков верой и правдой служивших России.

Тенденциозность автора публикации выражается в том, что ставятся под сомнение научные исследования известного русского историка и путешественника XIX в. С. Глинки — "Описание переселения армян в пределы России с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Почерпнутое из современных записок С. Глинкой" (М., 1831) и "Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи" (М., Типография Лазаревского Института восточных языков. Ч. 1, 1832; ч. 2, 1833).

Выражается недоверие к трудам почтенного ученого, автора трудов, выдержавших полутора вековое испытание временем. Причем, делается это, преследуя самые низменные цели. Впрочем, дадим слово Н. Мясоедовой: "Иными словами, обе книги написаны С. Глинкой по материалам, предоставленным ему Лазаревыми и под их строгим надзором, следовательно при обращении к этим материалам следует учитывать их тенденциозное изложение"³⁶. Вот так с "легкой руки" научного сотрудника ИРЛИ, крупный ученый предстает меркантильным исполнителем воли заказчика. Бедный С. Глинка, знал бы какого оппонента преподнесет ему судьба! Да что сказать, Московский институт восточных языков, издатель трудов С. Глинки, существовавший более полувека под покровительством семьи Лазаревых, издавший сотни и сотни ценных научных книг и исследований, основавший школу востоковедения в России, также становится объектом высокомерной критики. Подобные псевдонаучные домысли, прежде всего подчеркивают несостоятельность Н. Е. Мясоедовой как ученой.

Есть у Н. Е. Мясоедовой и другие "открытия". Так, известное письмо Л. Е. Лазарева о Грибоедове, имеющее нынче хрестоматийное хождение, характеризуется следующим образом (причем выдержки из это-

³⁵ Подлинник письма хранится: Архив внешней политики России, ф. 340, оп. 918, д. 17, л. 2–6 об. Письмо на французском языке, перевод для сборника выполнен Н. М. Сперанской.

³⁶ Н. Е. М я с о е д о в а. Неизвестное письмо Грибоедова. — В кн.: "Проблемы творчества А. С. Грибоедова", с. 273.

го письма приводятся не по оригиналу, а из статьи О. И. Михайловой "Л. Е. Лазарев, знакомый Грибоедова"³⁷: "...это "отмычки" к душе человека, внутренне закрытого для Лазарева, говоря современным языком — это элементарное досье" (с. 277). Как не вспомнить здесь слова Бюффона о том, что "стиль — это человек".

Воистину, стиль очень многое значит, и конечно, в первую очередь, стиль выдает образ автора.

Действительно, можно ли в одной маленькой статье собрать такой набор злословий: "Паскевича он (Л. Е. Лазарев. — *А. И.*) дискредитирует как полководца" (с. 275), "Наушник Паскевича" (с. 276), "Совершенно очевидно, что это письмо — политический донос" (с. 276), "нет никаких сомнений о связи Хр. Лазарева с III-им отделением" (с. 277). И весь пафос статьи — это озлобленные комментарии письма Л. Е. Лазарева, а само письмо Грибоедова к Нессельроде по сути остается за бортом.

Но если бы все кончилось лишь "стилем" исследовательницы! Такой стиль уже подразумевает адекватный образ мышления. Так вот, главное расхождение с истиной заключается в тенденциозном толковании письма Грибоедова к Нессельроде.

Конечно, каждый исследователь вправе выдвинуть ту или иную гипотезу, но когда дело касается текстов классиков, исторических событий и международных отношений, то здесь вряд ли уместна подобного рода самодеятельность.

Однако сотрудница ИРЛИ решает внести свою лепту в историю. Но, как известно, истина бывает одна ... Итак, Грибоедов сообщает Нессельроде из Эривани (23 сентября 1828 г.): "Я нашел здесь его Посланника Мирзу-Джафара, снабженного фирманом Его высочества, никогда не предъявлявшимся Главнокомандующему, силой которого он уполномочен содействовать тем мусульманским семьям, которые хотели бы перейти отсюда в Персию. Мирза-Джафар, в точности выполняя волю своего Повелителя (наследного принца Аббас-Мирзы. — *А. И.*) и пользуясь отсутствием Правителя провинции (князя А. Г. Чавчавадзе. — *А. И.*), устроил здесь свою резиденцию, как если бы получил на это право от нашего Правительства. Его речи и цель его миссии, во всеуслышание объявленные, вызвали сильное колебание умов, поскольку местные власти вначале не подозревали, какое зло это может причинить... Вовремя осведомленный о происходящем, я послал за Персидским чиновником и с самыми большими предосторожностями высказал ему всю неуместность его поведения. Он попытался убедить меня, что действует в силу Трактата, показал мне Полномочия, полученные от своего Повелителя, который дал ему это право, и, нисколько не смущаясь, заметил мне, что подобным действиям имелись примеры в прошедшем, а именно — наши офицеры, Полковники Лазарев, Аргутинский и др.,

³⁷ См. сборник: А. С. Г р и б о е д о в. Материалы к биографии. Л., 1989, с. 154–162.

посланные нашим Правительством в апреле и мае, чтобы объявить и взять под защиту переселение многих деревень и даже целых Округов, кои впоследствии действительно перешли к нам. (Имеет в виду переселение армян. — *А. И.*). Мы могли бы распорядиться о выдворении его из города; но мирная и дружеская беседа показалась мне предпочтительнее... Я употребил довод, который казался мне наиболее соответствующим ситуации, заметив, что для его пребывания в Эривани и выполнения поручений его Повелителя он не получил никакого официального статуса и не признан ни нашим Двором, ни даже Кавказским Главнокомандующим. ... полагаю, что он покинет город завтра или через двое суток. Здесь находятся также два других Офицера Аббас-Мирзы, прибывшие задолго до Мирзы-Джафара, с целью переселить отсюда в Персию всех жителей Девалу (село недалеко от Эривани, в те годы с преобладающим магометанским населением. — *А. И.*), я убедил Управление Эриванской области также не позволять дальнейшего пребывания ни их Миссии, ни их самих"³⁸.

Совершенно очевидно, что здесь речь идет о выдворении персидских представителей за агитационную работу о переселении "мусульманских семей" из Армении. Тем не менее, Н. Мясоедова дело представляет так, как будто армяне, которые, благодаря Туркманчайскому пакту получили возможность вернуться на родину, теперь хотят обратно в Персию. На этой мнимой, выдуманной концепции строится ее вступительная статья.

Вот так, по вине новоявленного грибоедововеда искажается история. Н. Мясоедова пишет: "Одновременно с процессом переселения армян в Россию (не в Россию, а в Восточную Армению. — *А. И.*), из-за беспорядочного управления ими со стороны местного и высшего начальства, начался обратный процесс — возвращение армянских семей в Персию. С появлением в Армении статс-секретаря наследного принца Персии Аббас-Мирзы — Мирзы-Джафара, этот процесс ускорился"³⁹.

А вот что утверждает история. Отрывок из "Журнала рапортов Паскевича Николаю I" (который, как ни парадоксально, приводит в своем предисловии сама Н. Мясоедова): "2-го октября. По полученным мною частным сведениям, присланный с ратификацией Трактата Персидский чиновник Мирза-Джафар, пользуясь отсутствием Управляющего Армянской областью генерал-майора Князя Чавчавадзе, объявил будто бы я, согласно с трактатом, дозволил ему приглашать тамошних Магометан к переселению в Персию, и пользуясь сим, успел проискаками своими произвести влияние на народ. Узнав о сем, я предписал немедленно выпроводить Мирзу-Джафара за границу..."⁴⁰

³⁸ Проблемы творчества А. С. Грибоедова, с. 282 — 283.

³⁹ Там же, с. 277.

⁴⁰ Российский государственный исторический архив, ф. 1018, оп. 3, д. 194, л. 100.

Грибоедов и Паскевич в своих письмах и рапортах подчеркивают, что переселиться в Персию хотели исключительно магометане, а Н. Мясоедова, вопреки исторической правде, утверждает, что "начался обратный процесс — возвращение армянских семей в Персию", и что мол с появлением Мирзы-Джафара "этот процесс ускорился". Но самое алогичное в статье Н. Мясоедовой, это ее "размышления" о причинах гибели Грибоедова. "Сложность того положения, в котором оказывался Грибоедов при проведении политики в отношении вновь переселенных армянских семей, как и вообще по отношению к "управлению недавно завоеванной страной" (кстати и здесь исковеркана цитата, у Грибоедова "как следует управлять недавно завоеванной страной" — имеется в виду Армения. — А. И.) становится все более очевидной. Трагическую ноту в это вносит противоречие между высоким титулом, которым Грибоедов был пожалован, и теми ограниченными возможностями, которыми он располагал, и которые, в основном, сводились к средствам убеждения. Трагедия 1829 г., происшедшая в Тегеране, уже подспудно таилась в этом противоречии"⁴¹.

Доказать, что подобные утверждения беспочвенны, что они продиктованы неблагоприятным побуждением — вбить клин в армяно-русские отношения, нетрудно, достаточно прочитать написанные Грибоедовым материалы о переселении, его заметки и письма, и в том числе то письмо к Нессельроде, которое опубликовала Н. Мясоедова. Вот что пишет Грибоедов: "Восьми тысячам армянских семей, недавно переселенных к нам, можно противопоставить в двадцать раз их превосходящее мусульманское население наших Провинций, верность которого никогда не была прочна, и, если какое-либо иностранное вмешательство было бы хоть на мгновение допущено нашими Властями, нет сомнения, что вся масса Магометан, противных нашей вере и законам, сдвинулась бы с места и отправилась искать счастья в соседнем государстве, с которым их сближают обычаи и религиозные догматы"⁴².

Остается предположить, что Н. Мясоедова не знает, к какой вере принадлежат армяне.

Наряду с вольными интерпретациями исторических фактов, искажением цитат, статья Н. Мясоедовой и ее комментарии к письму полны многими неточностями, явными ошибками. Нередко она цитирует не по первоисточнику, а по работам других исследователей. Обратимся к фактам. Н. Мясоедова пишет: "Такое освещение событий прямо противоположно мнению А. С. Грибоедова, изложенному им в "Записке о переселении армян" (с. 274), а ведь, между тем, такого сочинения у Грибоедова нет, а есть — "Записка и переселение армян из Персии в наши области"⁴³. Далее цитата из Грибоедова: "Деятельными орудиями переселения были..." (с. 274), между тем, в подлиннике мы читаем:

⁴¹ Проблемы творчества А. С. Грибоедова, с. 278.

⁴² Там же, с. 283.

⁴³ См.: А. С. Г р и б о е д о в. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 131.

"Деятельными орудиями при переселении были..."⁴⁴, из той же "Записки", у Мясоедовой — "подполковник кн. Аргутинский" (с. 274), у Грибоедова: "подполк. кн. Аргутинский"⁴⁵, источник "Записки" указан так: "Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. (Под ред. И. А. Шляпкина). — СПб., 1889, т. 3, с. 267—269", указанную "Записку" читатель по данному источнику никогда не найдет, следовало указать — "Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Под ред. И. А. Шляпкина. Т. 1, СПб., 1889, с. 131—133".

Далее опять цитата из Грибоедова: "управлению недавно завоеванной страной" (с. 278)⁴⁶, тогда как у Грибоедова: "как следует управлять недавно завоеванной страной". "Туркманчайский трактат" в комментариях Мясоедовой, причем в двух местах, стал: "Туркменчайский трактат" (с. 284), А. Мальцов — А. Мальцевым (с. 284), а К. К. Родофиникин — К. К. Родофинкиным (с. 284). Действительно "филькина грамота".

Можно лишь сожалеть, что такого рода интерпретация текста великого писателя была включена в состав научного сборника "Проблемы творчества А. С. Грибоедова", а недавно свои эксперименты любитель "отмычек" продолжила на страницах московской газеты "Известия".

Ну что же, цель ее ясна. Но, во-первых, ясно и то, что данный автор ничего общего не имеет ни с наукой, ни со светлым именем А. С. Грибоедова. Подобные псевдонаучные опусы где бы ни печатались, лишь пачкают историю. А вбить клин в вековые армяно-русские отношения не удастся никому. Это занятие и постыдное и Богу неугодное. Впрочем, госпожа Мясоедова давно уже поклоняется другому Богу.

* * *

Присоединение Восточной Армении к России основательно укрепило российские позиции на юге империи и способствовало повышению международного авторитета российского государства. Благополучный исход русско-персидской войны 1826—1828 гг., завершившейся подписанием Туркманчайского мирного договора, укрепил военную мощь России и создал ряд важных предпосылок для начала в 1829 г. русско-турецкой войны.

Несомненна роль в победе главнокомандующего генерала Паскевича, получившего после взятия Эриванской крепости титул граф Эриванский. Тогда поэт Жуковский в своем знаменитом стихотворении "Бородинская годовщина" посвятил Паскевичу восторженные строки.

И все царство Митридата,
До подошвы Арарата,
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Аракс.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 133.

⁴⁶ Проблемы творчества А. С. Грибоедова, с. 283.

Грибоедов хорошо понимал, что отныне главным препятствием для России, как ведущей политической силы на Ближнем Востоке и в Черноморском бассейне, была Оттоманская Турция. В случае нового успеха русской армии, именно Россия становилась наиболее влиятельной державой в этом регионе, доселе считавшимся зоной влияния Британского королевства.

Понятно, что Турцию не устраивал расклад сил на ближневосточной политической арене после заключения Туркманчайского мирного трактата. И именно Турции, более чем какой-либо другой стране, выгодно было, нарушить хрупкий мир между Россией и Персией, спровоцировать Россию на новые военные действия, на открытие второго фронта с Персией, что привело бы к ослаблению позиций российской армии. Оттоманские стратеги в Константинополе разработали вероломный план — поднять мусульманских фанатиков в персидской столице против Российского представительства, разжечь религиозную истерию, физически уничтожить состав посольства, и в первую очередь, главного работчика российской политики на Ближнем Востоке посланника-министра А. С. Грибоедова, политического деятеля и стратега, о котором генерал Н. Н. Муравьев-Карсский, наместник Кавказа сказал: Грибоедов "заменял... единым своим лицом двадцатитысячную армию"⁴⁷. Главная роль в проведении этой операции отводилась предводителю мусульманских шиитов — муджтехиду Тегерана Мирза-Месиху⁴⁸ и бывшему первому министру шаха Аллаяр-хану.

Немалую роль в гибели Грибоедова сыграли в те дни в Тегеране и сотрудники английского посольства и, особенно, группировка офицеров — "ястребов", которые никак не могли смириться с мыслью, что Россия диктует Персии свою политику. Российская историография не раз писала об этом. О деятельности английского резидента в Персии Генри Уиллоке писал в своих записках Н. Н. Муравьев-Карсский⁴⁹. Современный российский исследователь Л. М. Аринштейн, автор статьи "Персидские письма по поводу гибели Грибоедова"⁵⁰, дает точный анализ причин гибели Грибоедова и раскрывает тайную связь между дипломатическими кругами Англии и Турции, приведшую к вероломному убийству русского посланника. Он пишет: "Одна из важнейших целей британской внешней политики в то время состояла, как известно, в том, чтобы добиться поражения России в русско-турецкой войне, и тем самым существенно ослабить военно-политическое влияние России на Ближнем и Среднем Востоке. Английские резиденты в Турции и примыкающих районах были так или иначе привлечены к

⁴⁷ Записки Муравьева. — "Русский архив". Кн. 1. СПб., 1894, с. 43.

⁴⁸ О Мирза-Месихе историк В. А. Потто пишет: "Во главе движения стал сам муджтехид верховный мулла тегеранский, Мирза-Месих, известный фанатик изувер" (В. А. П о т т о. Указ. раб., с. 615).

⁴⁹ "Русский архив". СПб., 1886, № 4, с. 519.

⁵⁰ См. в кн.: "А. С. Г р и б о е д о в. Материалы к биографии". Л., 1989.

практическому осуществлению этой политики. Особая роль отводилась резидентам в Персии: если бы удалось спровоцировать новую русско-персидскую войну, то фронт борьбы России с мусульманскими государствами растянулся бы на тысячи километров — от Балкан до Каспийского моря, — и вероятность поражения России, и без того изнуренной войной с Турцией, значительно возросла"⁵¹.

Впервые сведения о вышеизложенном ввел в научный обиход французский исследователь д'Анбар, он указывает, что подробности этого дела, его первоисточники следует искать в архивах Министерства (Дивана) иностранных дел Османской Турции в Анкаре.

Армянские круги с именем Грибоедова связывали и свои надежды на освобождение исторических земель Западной Армении, оставшихся в руках османской Турции. С именем Грибоедова связывали надежды на окончательное освобождение Армении и соединение ее двух частей. Но увы, этим надеждам не суждено было сбыться. И именно Турция сыграла роковую роль в гибели Грибоедова.

Вероломное убийство Грибоедова армянский народ воспринял как свою горе, как потерю человека, который более всех из современников был чуток и справедлив к исторической судьбе Армении и сделал очень многое для ее настоящего и будущего.

Не случайно, что когда кровавая вакханалия в Тегеране завершилась, именно армянская община сыграла главную роль в спасении и захоронении останков Грибоедова. В армянской церкви была проведена траурная панихида за упокой души насильственно убиенного Грибоедова. И до перезахоронения в Тифлисе останки Грибоедова по всем канонам христианской церкви были преданы земле в Тегеране на территории армянской церкви. До отправления останков Грибоедова в Тифлис, над его могилой в Тегеране армянами был сооружен памятныйobelisk.

Большую часть скорбного пути, из Тегерана в Тифлис гроб с телом Грибоедова проследовал по армянским землям. Вот что сообщает генералу Паскевичу в своем письме-донесении генконсул русской миссии в Тавризе Амбургер: "Кроме священника русского, выехало навстречу покойному все духовенство армянское под начальством архиерея Парсега, что еще более придавало величия печальному шествию... Когда настигли Нахичеванского моста, сделали привал... Народу было невероятное множество; мужчины, женщины, дети, — все, кажется, принимали живейшее участие в злополучной участи покойного и нередко были слышны между ними громкие рыдания. Женщины до самого вечера не отходили от церкви: только надобно заметить, что это по большей части были армяне и такое участие, конечно, делает честь сему народу.

На другое утро, 3-го мая, все, которые участвовали прошедшего дня в церемонии, опять собрались в церковь... Стечение народа было еще

⁵¹ Там же, с. 118.

большее, нежели второго числа, трудно было верить, что Нахичевань содержит в себе такое огромное население... Долго еще толпы народа с печальными лицами стояли на высотах, окружающих город, и весьма медленно рассыпались..."⁵²

По дороге, на Двальском горном перевале, недалеко от армянского села Гергер, 11 июня 1829 г., арбу с телом Грибоедова встретил Пушкин, направляющийся в Арзрум. Пушкин эту встречу описывает в "Путешествии в Арзрум". На месте этой встречи, на дороге армяне воздвигли памятный обелиск. Это место у родника стало своеобразным местом паломничества.

В те дни в кафедральном соборе Эчмиадзинского храма была проведена траурная служба в память поэта. Толпы народа в глубокой скорби собирались на пути прохождения траурной процессии. Люди крестились как на святого и молились за упокой души убиенной⁵³.

⁵² И. К. Е н и к о л о п о в. Указ. раб., с. 147–148.

⁵³ Сведения о последних днях Грибоедова в Тегеране и о его трагической гибели см. в кн. М. Я. Алавердянца "Кончина Грибоедова по армянским источникам", СПб., 1901.